

УДК 811.581

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-23-32>

Растительная метафора в китайском языке: семасиологический и когнитивный аспекты

Марина Александровна Гаврилюк

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, zhaolinn25@gmail.com

Аннотация

Исследуются когнитивные основы формирования метафорических значений фитонимической лексики в китайском языке. Данный пласт лексических единиц, фиксируя наиболее важные для носителей языка участки внеязыковой действительности, обладает высокой степенью релевантности для китайского национального языкового сознания, что обуславливает широкие возможности для его метафорического переосмысления. Возникающие в результате этого процесса вторичные образные номинации выполняют важную роль в концептуализации мира, выступая в качестве одного из основных средств реализации фитоморфного кода культуры. Целью данной работы является лингвокогнитивное описание образной лексики китайского языка, мотивированной наименованиями объектов и явлений растительного мира, и выявление запечатленного в ней фрагмента китайской языковой картины мира. Материалом исследования послужили данные толковых и фразеологических словарей, а также контексты использования фитоморфных номинаций, извлеченные из национальных корпусов китайского языка. Изучение фактического материала проводилось с использованием метода компонентного и контекстуального анализа, элементов лингвокогнитивного моделирования, а также приема лингвокультурологического комментирования. В результате проведенного анализа были определены денотаты фитонимических образных номинаций в китайском языке, а также выявлена система оснований метафорического уподобления и схемы прототипных метафорических переносов из сферы-источника «Растения», участвующие в концептуализации других понятийных областей. Исследование показало, что наименования растительных объектов используются для метафорического осмысления явлений таких сфер действительности, как «Человек», «Естественный мир», «Абстрактный мир» и «Социум». При этом большинство растительных метафор (68,7 %) в китайском языке принадлежит антропосфере, среди которых преобладают номинации характеристик внешности и нравственных качеств человека. Формирование переносных значений входящих в вышеперечисленные понятийные сферы фитонимических единиц осуществляется по определенным метафорическим моделям, характеризующимся общим основанием образной аналогии. В качестве таких оснований могут выступать различные свойства объектов растительного мира: форма, размер, цвет, особенности структуры и консистенции, стадия развития, вкус, общая оценка внешнего вида, реакция на воздействие факторов внешней среды, распространенность, пищевая и эстетическая ценность. Их выявление и последовательное описание позволило в определенной мере реконструировать соответствующий фрагмент китайской языковой картины мира.

Ключевые слова: *растительная метафора, метафорическая модель, фитонимическая лексика, фитоморфизм, языковая картина мира*

Для цитирования: Гаврилюк М. А. Растительная метафора в китайском языке: семасиологический и когнитивный аспекты // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 1 (231). С. 23–32. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-23-32>

Plant Metaphor in Chinese: semasiological and cognitive aspects

Marina A. Gavriluk

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, zhaolinn25@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the study of the cognitive foundations of the Chinese phytonymic vocabulary metaphorical meanings formation. This layer of lexical units, fixing the most important areas of non-linguistic reality for native speakers, has a high degree of relevance for the Chinese national linguistic consciousness, which provides wide opportunities for its metaphorical reinterpretation. Secondary figurative nominations arising as a result of this process play an important role in the conceptualization of the world, acting as one of the main means of implementing the phytomorphic code of culture. The purpose of this work is a linguocognitive description of the Chinese figurative vocabulary, motivated by the names of objects and phenomena of the plant world, and the identification of a fragment of the Chinese language picture of the world, which is imprinted in it. The research material was the data of

explanatory and phraseological dictionaries, as well as the contexts of the use of phytomorphic nominations extracted from the national corpus of the Chinese language. The study of the factual material was carried out using the method of component and contextual analysis, elements of linguocognitive modeling, as well as the method of linguocultural commentary. As a result of the analysis, the denotations of the Chinese phytonymic figurative nominations were determined, as well as the system of bases for metaphorical assimilation and schemes of prototypical metaphorical transfers from the source sphere of "Plants" involved in the conceptualization of other conceptual areas were revealed. The study showed that the names of plant objects are used for metaphorical interpretation of phenomena in such spheres of reality as "Man", "Natural World", "Abstract world" and "Society". At the same time, the majority of plant metaphors (68.7%) in Chinese belong to the anthroposphere, among which prevail the nominations of the characteristics of appearance and moral qualities of a person. The formation of figurative meanings of phytonymic units included in the above-mentioned conceptual spheres is carried out according to certain metaphorical models characterized by a common basis of figurative analogy. It was also determined that various properties of objects of the plant world (such as shape, size, color, features of structure and consistency, stage of development, taste, general assessment of appearance, reaction to environmental factors, prevalence, nutritional and aesthetic value) can act as such common bases of figurative analogy. Their identification and consistent description made it possible to reconstruct to a certain extent the corresponding fragment of the Chinese language picture of the world.

Keywords: *plant metaphor; metaphorical model; phytonymic vocabulary; phytomorphism; linguistic picture of the world*

For citation: Gavriluk M. A. Rastitel'naya metafora v kitayskom yazyke: semasiologicheskiy i kognitivnyy aspekt [Plant Metaphor in Chinese: semasiological and cognitive aspects]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 1 (231), pp. 23–32 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-23-32>

Введение

В настоящее время в лингвистике наблюдается значительный интерес к исследованиям, связанным с вопросами реализации языковой образности, выявлением особенностей когнитивных механизмов метафорического миромоделирования и национальной специфики языковых картин мира-носителей разных языков и культур [1–5]. В работах отечественных лингвистов описаны метафорические модели и средства их языковой репрезентации, задействованные в образной концептуализации различных фрагментов объективной действительности и составляющие основу базовых кодов культуры – соматического, пространственного, временного, зооморфного, фитоморфного и других [6–11]. При этом фитоморфный код культуры признается одним из универсальных способов образного описания и символического переосмысления мира и его отдельных фрагментов [12, 13].

Языковые единицы, вербализующие фитоморфный код культуры, составляют один из древнейших пластов лексики, репрезентирующий жизненный опыт человека, связанный с удовлетворением его основных потребностей в пище, одежде, жилище и пр. и отражающий его индивидуальные наблюдения за окружающим миром живой природы [14, с. 180]. Фиксируя наиболее важные для носителей языка участки внеязыковой действительности, фитонимы обладают высокой релевантностью для национального языкового сознания, что обуславливает широкие возможности для их метафорического переосмысления и, как следствие, возникновения вторичных фитоморфных номинаций.

Целью данной работы является лингвокогнитивное описание образной лексики китайского языка, мотивированной наименованиями объектов и явлений растительного мира, и выявление запечатленного в ней фрагмента китайской языковой картины мира.

Исследование опирается на основные положения когнитивной лингвистики и теории когнитивной метафоры [15–19], а также базовые принципы лингвокультурологического подхода к изучению метафоры [20–23].

С позиций современной когнитивистики растительная метафора представляет собой устойчивую аналогию между нетождественными категориальными классами познаваемых явлений из различных сфер внеязыковой действительности, когда исходный образ сферы-источника «Растения», выраженный во внутренней форме фитонимической номинации, проецируется на концептуальную структуру называемого феномена из сферы-мишени, не связанного с растительным миром.

Схематически базовая модель фитоморфной метафоры, по которой осуществляется концептуализация полученных знаний об объекте познания, может быть выражена формулой «Нечто – это растение».

При этом функционирующие в рамках данной базовой модели частные метафорические модели осуществляются на основе признаков, которыми обладают растения, и представляют собой всевозможные смысловые проекции, различающиеся исходным образным представлением из сферы-источника и сферой-мишенью.

Материал и методы

Материалом исследования послужили 368 фитонимических единиц, развивающих переносные значения в китайском языке, извлеченных методом сплошной выборки из следующих лексикографических источников: 现代汉语词典 / 中国社会科学院语言研究所. 7 版. 北京, 2016 (Словарь современного китайского языка / Институт лингвистики, Академия общественных наук КНР. Изд-е 7-е. Пекин, 2016); 现代汉语成语词典 / 吴光奇, 吴明. 上海: 上海辞书出版社, 2009 (Фразеологический словарь современного китайского языка / под ред. У. Гуанци, У. Мин. Шанхай: Шанхайское лексикографическое издательство, 2009); 汉语惯用语词典 / 黄斌宏. 北京: 商务印书馆, 2009 (Словарь привычных выражений китайского языка / под ред. Хуан Биньхун. Пекин: Коммерческое издательство, 2009).

К исследованию также привлекались контексты использования фитоморфных номинаций из национальных корпусов китайского языка BCC (URL: <http://bcc.bcu.edu.cn/lang/zh>) и CCL (http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/).

Изучение фактического материала проводилось с использованием методов: научного описания, включающего сбор, тематическую классификацию и систематизацию языковых единиц, количественные подсчеты; компонентного и контекстуального анализа (при выявлении коннотативных сем и оснований образной аналогии); элементов лингвокогнитивного моделирования как процедуры описания концептуальной образной системы, запечатленной в семантике растительных метафор, и средства реконструкции фрагмента языковой картины мира носителей китайского языка, а также приема лингвокультурологического комментирования.

Результаты и обсуждение

Проведенный анализ китайских лексических и фразеологических единиц со стержневым компонентом-фитонимом позволил определить денотаты фитонимических образных номинаций, а также выявить систему оснований метафорического уподобления и схемы прототипных метафорических переносов, участвующих в концептуализации определенных явлений действительности, в результате чего были выделены наиболее общие концептуальные сферы, объекты которых регулярно осмысляются в терминах растений. К ним относятся следующие сферы: 1) «Человек»; 2) «Естественный мир»; 3) «Абстрактный мир»; 4) «Социум».

Подавляющее большинство растительных метафор в китайском языке (253 образных единицы) используется в качестве средства вторичной номинации широкого спектра объектов антропосферы. Согласно выявленным тематическим группам денотатов референтного семантического поля и ре-

зультатам анализа направлений метафорического переноса в рамках обширной когнитивной сферы, образно номинируемой «Человек», можно выделить следующие концептуальные области-микросферы: «внешность» (куда входят анатомо-физические и физиолого-возрастные характеристики внешнего вида человека); «интеллектуальные качества и способности»; «нравственные качества»; «социальный статус и социальные взаимодействия»; «профессиональная деятельность», воплощающие базовую модель «Люди – это растение».

Фитоморфизмы в китайском языке могут характеризовать человека с точки зрения **общей оценки его внешности**. В рамках исследуемого материала встретились метафоры, в основном связанные с положительной оценкой внешнего вида, – «человек красивый, изящный, привлекательный». Например, женская красота описывается посредством фитоморфизмов: 花 ‘цветок’, 梅花 ‘цветы сливы’, 玫瑰花 ‘роза’, 桃李 ‘персики и сливы’, 芙蓉 ‘лотос’. При этом эталоном яркой, заметной красоты в китайском языке являются 花 ‘цветок’ и 玫瑰花 ‘роза’, а более нежной, свежей, уточенной – 芙蓉 ‘лотос’: 朵花 ‘один цветок’ в знач. ‘красивая женщина’; 花魁 ‘лучший из цветов’ – образно о молодой женщине потрясающей красоты; 校花 ‘школьный цветок’ – самая красивая девушка в школе, звезда школы; 花容月貌 ‘лицо-цветок и внешний вид луны’ – об очень красивой внешности; 刺玫花 ‘цветок колючей розы’ – о красивой, но неприступной женщине; 出水芙蓉 ‘только что поднявшийся из воды лотос’ – образно в знач. ‘свежий, прекрасный, изящный’ о внешности девушки. Приведенные примеры отражают реализацию частной метафорической модели «Женщина – это цветок», где основанием для уподобления выступают типовые представления о привлекательном внешнем виде отдельных растений.

Представления о **росте и телосложении человека** в сознании носителей китайского языка ассоциативно связываются с формой, размерами и толщиной плодов, ростков или стеблей таких растений, как тыква, пророщенные ростки бобов, тростник и сосна. Для указания на низкий рост и полное телосложение в китайском языке задействован образ зимней тыквы, имеющий круглую или широкую цилиндрическую форму: 矮冬瓜 ‘карликовая зимняя тыква’ – образно о невысоком и толстом человеке. Высокий рост и худоба метафорически выражаются в сравнении с растениями с сильно вытянутой (удлиненной) и относительно тонкой формой побегов, стеблей (стволов): например, фитоморфизм 豆芽菜 ‘бобовый росток’ применяется для образной характеристики высокого и худого человека, каланчи, а 松形鹤骨 ‘фигура сосны, кости журавля’ метафорически ассоциируется с си-

луэтом худого мужчины с благородной осанкой. Образ чересчур худых людей вызывает аналогию с образом тростниковой палки – 芦柴棒.

Растительная метафора в китайском языке может также выступать средством образной репрезентации данных **о возрасте человека**. Анализ фактического материала показал, что в концептосфере носителей китайского языка присутствует аналогия между стадиями развития растения и периодами жизненного цикла человека. Например, пора цветения растений ассоциируется с периодом наивысшего развития, расцвета человеческого организма, в то время как пора увядания и разрушения в жизни растений служит аналогией для восприятия процесса старения и нарастающей физической немощи как постепенного угасания человека, что нашло отражение в следующих метафорических выражениях: 含苞待放 ‘цветочный бутон вот-вот раскроется’ – образно о взрослеющей девушке, юный возраст которой сравнивается со стадией предцветения растения; 花季 ‘сезон цветения’ – 15–18-летний возраст, отрочество; 豆蔻年华 ‘период расцвета ребристого амомума’ – метафорическое наименование девушки-подростка в возрасте от 13 до 16 лет; 枯木朽株 ‘сухое дерево и трухлявый пенёк’ – о немощном человеке на склоне лет; 菊老荷枯 ‘цветы хризантемы постарели и цветы лотоса засохли’ – о пожилой женщине, красота которой поблекла.

Концептуальная сфера «Растение» может способствовать не только осмыслению общих параметров внешности человека, но и характеристик **отдельных частей и органов его тела**. Функционирующие здесь модели фитоморфной номинации базируются на представлении об общности размера и формы элементов отдельных растений с частями человеческого тела. Так, например, лицо овальной формы метафорически уподобляется тыквенному семечку – 瓜子脸 ‘лицо, как тыквенное семя’; тонкие и изящные брови образно сравниваются с листьями ивы – 柳眉 / 柳叶眉 ‘брови, как листья ивы’; большие круглые глаза отождествляются с плодами или косточками абрикоса – 杏眼 / 杏核儿眼 ‘абрикосовые глаза / глаза, как абрикосовые косточки’; крупный нос округлой формы с широкими ноздрями ассоциируется с головкой чеснока – 蒜头鼻子 ‘нос, как чесночная головка’; изящная гибкая талия соотносится с представлениями о гибкости ивы – 柳腰 ‘ивовая талия’.

Окраска цветов, а также цвет поверхности плодов растений могут выступать основанием метафорического уподобления для образной характеристики **цвета кожи и губ человека**. При описании нежного, приятного оттенка кожи носители китайского языка обращаются к образам цветов лотоса и персика: 芙蓉面 ‘лицо словно цветок лотоса’,

桃花脸/面如桃花 ‘лицо словно цветок персика’. Сочные розово-желтые плоды персика и абрикоса ассоциативно связываются с румянностью щек и цветом лица молодых девушек: 桃腮 ‘персиковые щечки’, 桃杏腮 ‘персиковые и абрикосовые щечки’, 杏脸桃腮 ‘абрикосовое лицо и персиковые щечки’ и др. Для выражения оттенка цвета губ в китайском языке может использоваться метафорическое выражение 樱桃嘴 / 樱桃小嘴 ‘вишневый ротик’, описывающее небольшой рот с алыми губами.

Растительные метафоры позволяют дать характеристику **интеллектуальным качествам и способностям человека**, причем чаще всего в негативном аспекте. В китайском языке фитообразом-эталоном, характеризующим глупого человека, выступает дерево, а также название видов деревьев или их отдельных частей. Основанием метафорического уподобления является представление о древесине как о материале, отличающемся особой прочностью, твердостью, негибкостью и неспособностью к активному восприятию внешних воздействий. Например, такие фитоморфизмы, как 木头 ‘деревянная голова’, 木头人 ‘человек с деревянной головой’, 木头疙瘩 ‘древесные корни’, 榆木疙瘩 ‘корни вяза’, 榆木脑袋/脑壳 ‘башка из вяза’ употребляются для метафорической номинации человека твердолобого и упрямого, дурака, болвана, тупицы. Люди посредственные, заурядные, не наделенные какими-либо реальными способностями, могут уподобляться растениям с полой сердцевинной, а также определенному состоянию некоторых плодов: 空心萝卜 ‘полая редька’, 竹竿子 ‘бамбуковый шест’ – о тех, кто при наличии обнадёживающих внешних данных оказываются абсолютно никчемными, пустыми и непригодными ни к какому делу; 烂柿子 ‘гнилая хурма’, 棉花胎子 ‘ватная порода’ – о людях, не отличающихся особыми талантами или широкой эрудицией. Основу образной номинации здесь составляют представления об особенностях структуры растений и их консистенции.

Объектом образной номинации в данной микросфере также можно считать характеристику **речемыслительных способностей индивида**, т. е. умение внятно говорить и ясно излагать свои мысли. Человек, скупой на слова или не умеющий красиво и складно говорить, метафорически уподобляется необработанному плоду тыквы-горлянки, который издает характерный звук при встряхивании только во вскрытом (вычищенном изнутри) состоянии, например: 闷葫芦 ‘закупоренная тыква-горлянка’, 扎嘴葫芦 ‘тыква-горлянка с завязанным горлышком’, 闷嘴葫芦 ‘тыква-горлянка с закупоренным горлышком’ и другие фитоморфизмы используются в качестве метафорической характеристики человека неразговорчивого или не обладающего талантом грамотно и последовательно излагать свои мысли.

К явлениям микросферы «нравственные качества», мотивированным названиями растений, относятся фитоморфные наименования **черт характера человека и особенностей его поведения**. Основанием образной номинации выступают размер, форма, вкус, а также реакции растений на воздействие факторов внешней среды. Так, например, в языковой картине мира носителей китайского языка вместилищем человеческой храбрости традиционно считается желчный пузырь: выражение 胆大 (букв. 'желчный пузырь большой') употребляется в значении 'храбрый', 'смелый', и наоборот – 胆小 (букв. 'желчный пузырь маленький') означает 'трусливый', 'робкий', 'пугливый'. Данное стереотипное представление нашло свое отражение в семантике фразеологизма 胆小如芝麻 (букв. 'желчный пузырь размером с кунжутное семечко'), где размеры желчного пузыря уподобляются крошечным размерам кунжутного семени, что подразумевает под собой чрезмерную трусость и подчеркивает высокую степень проявления этого качества в характере человека.

Особенности структуры и вкуса плодов растений также уподобляются качествам характера человека и особенностям его поведения. Например, основание ассоциативного переноса при развитии вторичной номинации фитонима 开心果 (букв. 'фисташка' – веселый и открытый человек, приносящий радость другим, душа компании) лежит в сравнении строения зрелого плода ореха, имеющего слегка приоткрытую скорлупу, с формой рта улыбающегося человека. Острый, жгучий вкус перца или горчицы, воздействующий на вкусовые рецепторы, метафорически связывается с такими чертами характера, как сварливость, язвительность, вздорность: 小辣椒 'маленький перчик', 辣菜根子 'горчичный корень' – о грубой, сварливой или вздорной женщине.

Люди, не имеющие твердых убеждений, меняющие свое отношение по мере изменения ситуации, образно ассоциируются с травой, клонящейся в разные стороны под порывами ветра: 随风草 (букв. 'клоняющаяся под ветром трава') и 墙头草 (букв. 'трава на гребне стены', часть недоговорки 墙头一棵草, 风吹两边倒 'трава на гребне стены – куда ветер подует, туда и она'). В данном случае ситуация физического воздействия на растение такого фактора внешней среды, как ветер, уподобляется поведению беспринципного человека, выстраивающего свое поведение, мнение, принципы, в зависимости от окружения, в которое он попадает.

Объекты растительного мира могут служить основой и для образной характеристики человека с точки зрения его **социального статуса и осуществляемых им социальных взаимодействий**. Основанием для метафорического переноса здесь

выступают представления о распространенности (доступности) пищевой или эстетической ценности растения. Незначительный по своему общественному положению человек уподобляется повсеместно встречающимся траве или редису, например, выражения 草根 'корень травы', 草民 'травяной народ', 小萝卜头 'редискин сын' употребляются для номинации простолюдина, выходца из простого народа. Беспольный в обществе человек осмысливается как 草包 'мешок с сеном' (или 'охапка с сеном'). Люди из высшего общества, обладающие высоким социальным статусом или авторитетом, соотносятся с образами цветов или цветущих деревьев: например, выражение 花花公子 'цветущий сын влиятельного лица' имеет переносное значение 'представитель золотой молодежи'; а 金枝玉叶 'золотые ветви и яшмовые листья', изначально использовавшееся для описания цветущих ветвей редкой красоты, сейчас применяется для обозначения отпрысков богатых, аристократических семей.

Взгляд на межличностные взаимоотношения через призму растительной метафоры позволяет образно переосмыслить их участников как части одного растения или как отдельные растения с выходящими или переплетающимися друг с другом побегами (корнями). Так, фитоморфизмы 双头花 'двуголовый цветок' (в знач. 'два цветка, распускающиеся бок о бок на одной ветке'), 并蒂芙蓉 'два цветка лотоса на одном стебле' и 连理枝 'растение с взаимно переплетающимися ветками или корнями' используются для наименования любящей пары или супругов, живущих в любви и согласии; 同根生 'происходить от одного корня' употребляется в качестве образного синонима близких, тесных отношений. Фитонимы 瓜葛 'тыква и пуэрария волосистая' по причине того, что оба растения имеют ползучие побеги, которыми они могут цепляться за другие растения или предметы, также служат для обозначения родственных, дружеских или супружеских отношений: например, выражение 瓜长在秧上 'вырастить тыкву из побега/уса' означает 'быть неразрывно связанным' и т. д.

Завершает обзор концептуальной сферы «Человек» одна из самых малочисленных по количеству образных наименований микросфера **«профессиональная деятельность»** (8 образных языковых единиц), что свидетельствует о достаточно низкой продуктивности растительной метафоры в категоризации данного отрезка внеязыковой действительности. Например, в ходе анализа были выявлены фитонимические единицы 芝麻官 букв. 'кунжутный чиновник' и 绿豆芝麻官 букв. 'фасолево-кунжутный чиновник', имеющие значение 'мелкий чиновник; мелкая сошка; канцелярская крыса'. В основе метафорического переноса лежит образ

ное сравнение ограниченного объема властных полномочий и низкого служебного положения должностного лица с размерами семян зеленой фасоли или кунжута. Следует отметить, что обратная последовательность сочетания этих фитонимов – 芝麻绿豆 ‘кунжут и зеленая фасоль’ также используется в качестве самостоятельной образной единицы в значении ‘мелкий, мелочь, пустячный, пустяк’ и основывается на схожих метафорических аналогиях.

Следующую **концептосферу «Естественный мир»** (62 образных единицы) можно подразделить на микросферы: «**артефакты**» (объекты, созданные человеком), «**натурфакты**» (природные объекты) и «**животные**». Понятийная **микросфера «артефакты»** в китайском языке представлена образными единицами, в которых реализуется уподобление между предметами и растениями на основании общности их типологических свойств или цвета. В основе большинства наименований артефактов, мотивированных объектами растительного мира, лежит характеристика формы и размеров растений или их отдельных частей. Данные образные аналогии отражены в семантике следующих лексических единиц: 萝卜裤 ‘брюки-редьки’ (ср. с рус. ‘брюки-бананы’), 吃黑枣 ‘съесть черный финик’ (в знач. ‘словить пулю в лоб’), 铁西瓜 ‘железный арбуз’ (в знач. ‘мина, фугас’), 莲蓬头 ‘семенная коробочка лотоса’ (в знач. ‘душ, насадка на душ, душевой рожек’), 叶片 ‘листовая пластинка’ (в знач. ‘лопасть, лопатка’), 百叶窗 ‘окно из сотни листьев’ (в знач. ‘жалюзи’) и др. Например, языковая метафора 萝卜裤 ‘брюки-редьки’ именуется фасон штанов свободного кроя, зауженных к низу, которые своей вытянутой формой напоминают носителям китайского языка продолговатые корнеплоды редьки. Реже в основе уподобления лежат цветовые характеристики растения. Например, пестрый цвет или яркая окраска предметов могут быть выражены в следующих языковых метафорах, содержащих лексему 花 ‘цветок’: 花花绿绿 ‘пестрый, цветастый, красочный’, 花红柳绿 ‘цветы – красны, ива – зелена’ (обр. в знач. ‘яркий, свежий цвет’), 花哨 ‘броский, яркий, пестрый’, 花里胡哨 ‘(слишком) яркий, пестрый’.

Наименования растений, входящие в микросферу «артефакты», также могут репрезентировать **параметрические свойства материальных объектов**: форму, размер, физическое состояние и т. д.: сравнительные обороты 像叶子的 ‘похожий на листья’, 样子像豆子 ‘внешним видом походить на бобы’ указывают на сходство формы предметов с формой частей растений или их плодов; выражение 残花败絮 ‘завядший (падающий) цветок, лохмотья, очески ваты’ используется для описания ветхого, одряхлевшего состояния вещей.

Понятийная **микросфера «натурфакты»** представлена фитоморфными метафорами, называющими материальные объекты естественного мира и явления природы. Основаниями образного уподобления здесь так же, как и в случае с «артефактами», чаще всего выступают форма и размер исходного объекта растительной сферы. При этом образы растений, как правило, задействованы для наименования объектов усложненных форм и конфигураций. Например, в семантике таких лексических единиц, как 火花 букв. ‘огненный цветок’ (в знач. ‘искра’), 雪花 букв. ‘снежный цветок’ (в знач. ‘хлопья снега, снежинка’), 霜花 ‘инеевые цветы’ (в знач. ‘узоры инея, морозный узор’), 灯花儿 ‘ламповые цветы’ (в знач. ‘нагар’), отражена образная аналогия обозначенных явлений со сложной конфигурацией цветка. Языки пламени по своей форме метафорически уподобляются всходам (победам) растения – 火苗儿 (букв. ‘огненные побеги’). Облако, возникающее после ядерного взрыва – 蘑菇云 (букв. ‘грибовидное облако’), ассоциируется с образом гриба, поскольку оно имеет узкое длинное основание, резко расширяющееся кверху, визуально напоминая шляпку гриба. Сходство формы также легло в основу образной единицы 石笋 ‘сталагмит’ (букв. ‘каменный росток бамбука’), где форма побега молодого бамбука (笋) ассоциативно связывается с формой пещерного известкового образования.

Растительная метафора в китайском языке может использоваться и для обозначения **представителей животного мира**. Так, лексема 苗 в результате ассоциативного развертывания исходной семы ‘побег, росток’ приобрела вторичное значение ‘отпрыск, потомок, молодь’ и употребляется для наименования потомства некоторых видов животных: 鱼苗 ‘малёк (личинка) рыбы’, 蟹苗 ‘молодь краба’, 鸭苗 ‘утята’, 猪苗 ‘поросята’ и др. Фитообразы также могут быть задействованы и при характеристике окраски животного. Например, пятна на шерсти животных могут образно ассоциироваться с цветами: 梅花鹿 ‘пятнистый олень’ (букв. ‘олень в цветах сливы’).

Следующая **концептуальная сфера «Абстрактный мир»** представлена растительными метафорами (32 единицы), которые могут выступать в качестве эталонов-классификаторов для характеристики нерастительных объектов с точки зрения таких общих категорий, как количество, размер, оценка, причинность и интенсивность протекания процессов. Использование растительных объектов в качестве таких эталонов связано с их доступностью постоянному наблюдению, а также устойчивостью их собственных характеристик, обусловивших стабильность исходного прототипа в сознании носителей языка.

Анализ языкового материала показал, что растительные метафоры в китайском языке способны выражать представления о количестве вещества. Например, идея малого количества может передаваться с помощью образных выражений 仨瓜俩枣 ‘три тыквы да пара фиников’ или 仨核桃俩枣 ‘три грецких ореха и два финика’, употребляемых для обозначения небольшой суммы (количества) денег или мизерного дохода.

Проанализированный материал также свидетельствует о том, что выражение категорий размера и оценки в растительных метафорах часто реализуется синкретично, при этом малые размеры исходного денотата, как правило, служат источником отрицательного оценочного значения. В основе данной аналогии лежит когнитивная схема «Мало – это плохо», которая и определяет отрицательное отношение носителей языка к небольшим размерам. В силу этого небольшие по своим размерам растительные объекты образно ассоциируются с чем-то незначительным, несущественным, не заслуживающим внимания, например: 草刺儿 (букв. ‘травяная колючка’) ‘мелочь, пустяк, безделица’, 草芥 (букв. ‘былинка’) ‘незначительный, ничтожный’, 枝节 (букв. ‘ветви и сучья’) ‘несущественное, не основное, мелочи’, 枝叶 (букв. ‘ветви и листья’) ‘несущественное; мелочи, детали’, 芝麻粒大 (букв. ‘большой как семя кунжута’) ‘маленький и незначительный, не заслуживающий упоминания’, 太仓一粟 (букв. ‘зернышко проса в большом амбаре’) ‘чрезвычайно маленький, незначительный’ и др.

Процесс естественного развития растительного организма может служить аналогом осмысления цепочек причинно-следственных связей между различными явлениями и объектами. Так, представления о причине какого-либо явления в китайском языке образно ассоциируются с основой явления и источником развития большинства растений – корнем 根/本: 祸根 ‘корень зла, источник беды’, 根源 ‘источник возникновения; начало, основа’, 根由 ‘причина, основание, мотив’, 根苗 (букв. ‘побеги от корня’) ‘источник возникновения, причина’, 木本水源 (букв. ‘корень дерева и источник воды’) ‘первооснова, корень всего сущего’ и др. Представления о следствии, наоборот, ассоциативно связываются с естественным результатом жизнедеятельности растения – плодом 果: 后果 ‘последствия, результаты’, 结果 ‘результат, итог, следствие’, 果实 ‘плоды, результат’, 成果 ‘результаты, плоды, успехи’, 效果 ‘результат, успех, эффект’, 苦果 ‘плохие последствия’, 恶果 ‘плачевные результаты, дурные последствия’, 未果 ‘бесплодный, безрезультатный’, 没有好果子吃 (букв. ‘нет хорошего плода, чтобы съесть’) ‘не достичь хорошего результата’ и др. Способность данного фитонима метафорически переосмысли-

ваться как следствие, результат также отражена и в его словарной дефиниции: 果: 事情的成效或结局 (‘плод: следствие или исход дела’) [24].

Кроме того, растительные метафоры в китайском языке могут выступать средством характеристики интенсивности и скорости протекания какого-либо процесса. В основе такого рода аналогий лежит представление о способности некоторых растений быстро увеличиваться в размере или количестве. Например, активное строительство, развитие производства, появление большого числа фирм, предприятий, определенных групп людей образно ассоциируются с ростками молодого бамбука, которые при благоприятных условиях могут вырастать до одного метра в течение суток – 雨后春笋 ‘как молодой бамбук после дождя’ (ср. с рус. выражением «как грибы после дождя»); 近年来, 伴随着经济的迅速发展, 各大中城市高层建筑如雨后春笋般拔地而起 (‘В последние годы, в связи с бурным развитием экономики, в крупных и средних городах как ростки молодого бамбука после дождя выросли высотные здания.’) (CCL); 所以, 法律的分工愈来愈细密, 各色专家像雨后春笋般冒出来, 忙着把我们的日常生活搞得愈来愈复杂 <...> (‘Таким образом, области специализации в юриспруденции становятся все уже и уже, а эксперты всех мастей, появляющиеся как ростки молодого бамбука после дождя, заняты тем, чтобы как можно больше усложнить нам жизнь <...>.’) (BCC).

Наконец, последняя **концептосфера «Социум»** (21 образная единица) отражает взгляд на социальные явления и представления о социальной структуре общества, структурированные посредством образных аналогий с концептами из сферы «Растение». В китайском языке растительные метафоры оказываются задействованными при создании представлений о воздействии на социальные явления, позволяя осмыслить процессы внедрения и искоренения различных проявлений социальной активности человека: 根植/扎根 ‘пустить корни, укорениться; прочно встать на ноги (напр. экономически)’, 树立 ‘установить, учредить, утвердить, сформировать’, 根绝/根除 / 根治 ‘пресечь в корне, ликвидировать, искоренить, покончить с чем-либо’. В терминах растений также происходит осмысление социальных общностей или кругов, которые метафорически уподобляются совокупности большого количества деревьев, произрастающих на одной территории, т. е. лесу – 林: 儒林 ‘конфуцианские круги; конфуцианцы’, 艺林 ‘художественные и литературные круги’, 士林 ‘ученые (научные) круги’, 翰林 ‘литературная элита’, 武林 ‘сообщество спортсменов ушу’ и др.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ показывает высокую активность растительных метафор в

структурировании представлений носителей китайского языка о познаваемых ими явлениях из различных сфер внеязыковой действительности. Систематизация образных слов и выражений, мотивированных объектами растительного мира, в категориально-образные парадигмы по принципу общности сферы референции и основания образного уподобления позволила установить, что большинство растительных метафор (68,7 %) в китайском языке принадлежит антропосфере. Антропоцентрическая растительная метафора широко используется носителями китайского языка для репрезентации различных сторон человеческой личности, среди которых преобладают номинации характеристик внешности и нравственных качеств человека.

Кроме того, растительная метафора задействована в образной концептуализации объектов естественного (материального) мира (16,8 % от общего количества рассмотренных языковых единиц). Она участвует в выражении отдельных категорий

абстрактного мира (8,7 % языковых единиц), функционирующих в качестве эталонов-классификаторов по различным параметрам, а также выступает средством номинации отдельных явлений сферы «Социум» (5,7 % языковых единиц). В основе метафорического уподобления рассмотренных образных единиц лежат различные свойства объектов растительного мира: форма, размер, цвет, особенности структуры и консистенции, стадия развития, вкус, общая оценка внешнего вида, реакция на воздействие факторов внешней среды, распространенность, пищевая и эстетическая ценность.

Представленное последовательное описание вышеперечисленных понятийных сфер и транслируемых ими метафорических моделей позволило в определенной мере реконструировать соответствующий фрагмент китайской языковой картины мира, связанный с образной интерпретацией действительности посредством аналогий с концептуальной сферой «Растение».

Список источников

1. Толстая С. М. «Человек живет, как трава растет»: вегетативная метафора человеческой жизни // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура: сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 685–693.
2. Трофимова Е. Б. Образность в межкультурном пространстве. Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности // Тезисы докладов XV Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 30 мая – 2 июня 2006 г. Калуга: Эйдос, 2006. С. 302.
3. Мишанкина Н. А. Метафора в науке: парадокс или норма? Томск: Изд-во ТГУ, 2010. 282 с.
4. Илюхина Н. А. Метафорический образ в семасиологической интерпретации. М.: Флинта: Наука, 2010. 321 с.
5. Блинова О. И. Мотивология и ее аспекты: «Язык глазами человека». URSS, 2021. 302 с.
6. Гудков Д. Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. Вып. 26. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 39–50.
7. Ковшова М. Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2008. Т. 67, № 2. С. 60–65.
8. Сьянова Е. И. Растительный мир в ономастической картине мира диалектоносителя (на материале смешанных русских и украинских говоров Воронежской области) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ин-та лингвист. исследований. 2010. № 1. С. 78–100.
9. Захарова М. А. Реализация соматического, зооморфного и фитоморфного культурных кодов в донских фразеологизмах, характеризующих трудовую деятельность // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2013. № 2 (54). С. 191–194.
10. Фаттахова Н. Н., Власова К. А. Зооморфный код культуры в наименованиях кондитерских изделий // Филология и культура. 2016. № 1 (43). С. 127–132.
11. Клименко Г. В. Соматический код русской культуры (на примере лексемы «лицо») // Верхневолжский филол. вестник. 2019. № 4. С. 222–230.
12. Карпун М. А. Элементы растительного кода, характеризующие человека, в традиционной культуре донского казачества // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ин-та лингвист. исследований. 2017. Т. 13, № 2. С. 221–238.
13. Ли Ю., Васильева Г. М. Вербальные коды культуры в лексике языка. Вып. 1: Растительный код культуры в лексике языка (фитонимы): учебный словарь. СПб.: Российский гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2020. 67 с. URL: <https://www.iprbookshop.ru/104442.html> (дата обращения: 30.08.2023).
14. Бабина Л. В., Дементьева А. Г. Метафорические модели, определяющие формирование переносных значений фитонимических единиц (на материале английского, русского и французского языков) // Вестник Северо-Осетинского гос. ун-та имени К. Л. Хетагурова. 2011. № 2. С. 180–185.
15. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: ЛКИ, 2008. 256 с.
16. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

17. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2001. 123 с.
18. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2003. 248 с.
19. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
20. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М.: Элпис, 2008. 271 с.
21. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
22. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. 216 с.
23. Шерина Е. А. Собственно образное слово как носитель лингвокультурной информации о восприятии человека и социума в русской и английской языковых картинах мира // Вестник Томского гос. ун-та. 2012. № 361. С. 30–34.
24. 在线新华字典 (Онлайн-словарь иероглифов Синьхуа). URL: <http://zidian.aies.cn/OTgzMQ==.htm> (дата обращения: 03.09.2023).

References

1. Tolstaya S. M. «Chelovek zhivet, kak trava rastet»: vegetativnaya metafora chelovecheskoy zhizni [“A person lives like grass grows”: vegetative metaphor of human life]. *Sokrovennye smysly. Slovo. Tekst. Kul'tura: sbornik statey v chest' N. D. Arutyunovoy* [Hidden senses. Word. Text. Culture: collection of articles in honor of N.D. Arutyunova]. Moscow, Languages of Slavic culture Publ., 2004, pp. 685–693 (in Russian).
2. Trofimova E. B. Obraznost' v mezh'yazykovom prostranstve. Rechevaya deyatelnost'. Yazykovoye soznaniye. Obshchayushchiysya lichnosti [Imagery in the interlanguage space. Speech activity. Language consciousness. Communicating personalities]. *Tezisy dokladov XV Mezhdunarodnogo simpoziuma po psikholingvistike i teorii kommunikatsii. Moskva, 30 maya – 2 iyunya 2006 g.* [Abstracts of the XVth International Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory. Moscow, May 30 – June 2, 2006]. Kaluga, Eydos Publ., 2006, p. 302 (in Russian).
3. Mishankina N. A. *Metafora v nauke: paradoks ili norma?* [Metaphor in science: paradox or norm?]. Tomsk, TSU Publ., 2010. 282 p. (in Russian).
4. Ilyukhina N. A. *Metaforicheskiy obraz v semasiologicheskoy interpretatsii* [Metaphorical image in semasiological interpretation]. Moscow, Flinta Publ., 2010. 321 p. (in Russian).
5. Blinova O. I. *Motivologiya i ee aspekty: «Yazyk glazami cheloveka»* [Motivology and its aspects: “Language through human eyes”]. Moscow, URSS Publ., 2021. 302 p. (in Russian).
6. Gudkov D. B. Edinitsy kodov kul'tury': problemy semantiki [Units of culture codes: problems of semantics]. *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya: sbornik statey* [Language, consciousness, communication: a collection of articles]. Issue 26. Moscow, MAKSPress Publ., 2004, pp. 39–50 (in Russian).
7. Kovshova M. L. Analiz frazeologizmov i kody kul'tury' [Analysis of phraseological units and cultural codes]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka – The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 2008, vol. 67, no. 2, pp. 60–65 (in Russian).
8. S'yanova E. I. Rastitel'nyy mir v onomasticheskoy kartine mira dialektonositelya (na materiale smeshanny'kh russkikh i ukrainskikh govorov Voronezhskoy oblasti) [The plant world in the onomastic picture of the dialect-carrier world (based on the material of mixed Russian and Ukrainian dialects of the Voronezh region)]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy*, 2010, no. 1, pp. 78–100 (in Russian).
9. Zakharova M. A. Realizatsiya somaticheskogo, zoomorfного i fitomorfного kul'turnykh kodov v donskikh frazeologizmakh, kharakterizuyushchikh trudovuyu deyatelnost' [Somatic, zoomorphic and phytomorphic cultural codes in phrasemes describing labour activity in the Don cossack dialect]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, 2013, no. 2 (54), pp. 191–194 (in Russian).
10. Fattakhova N. N., Vlasova K. A. Zoomorfnyy kod kul'tury v naimenovaniyakh konditerskikh izdeliy [The zoomorphic code of culture in the names of confectionery]. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*, 2016, no. 1 (43), pp. 127–132 (in Russian).
11. Klimenko G. V. Somaticheskii kod russkoy kul'tury (na primere leksemy «litso») [Somatic code of Russian culture (on the example of the lexeme «face»)]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik – Verkhnevolzhski philological bulletin*, 2019, no. 4, pp. 222–230 (in Russian).
12. Karpun M. A. Elementy rastitel'nogo koda, kharakterizuyushchiye cheloveka, v traditsionnoy kul'ture donskogo kazachestva [Elements of the plant code that characterize a person in the traditional culture of the Don Cossacks]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy*, 2017, vol. 13, no. 2, pp. 221–238 (in Russian).
13. Li Yu., Vasil'eva G. M. *Verbal'nye kody kul'tury v leksike yazyka. Vypusk 1. Rastitel'nyy kod kul'tury v leksike yazyka (fitonimy): uchebnyy slovar'* [Verbal codes of culture in the vocabulary of the language. Issue 1. Plant code of culture in the vocabulary of the language (phytonyms): educational dictionary]. Saint Petersburg, Herzen University Publ., 2020. 67 p. (in Russian). URL: <https://www.iprbookshop.ru/104442.html> (accessed 30 August 2023).

14. Babina L. V., Dementyeva A. G. Metaforicheskiye modeli, opredelyayushchiye formirovaniye perenosnykh znachenij fitonimicheskikh edinit (na materiale angliyskogo, russkogo i frantsuzskogo yazykov) [Metaphorical models of figurative meaning formation of plant names (based on the material of English, Russian and French)]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K. L. Hetagurova – Bulletin of North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov*, 2011, no. 2, pp. 180–185 (in Russian).
15. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, University of Chicago Press, 1980. 242 p. (Russ ed.: Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafori, kotorymi my zhivem. Moscow, LKI Publ., 2008. 256 p.).
16. Kubryakova E. S. *Yazyk i znaniye. Na puti polucheniya znaniy o yazyke. Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge. On the way to gaining knowledge about the language. Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world]. Moscow, Languages of Slavic culture Publ., 2004. 560 p. (in Russian).
17. Boldyrev N. N. *Kognitivnaya semantika: Kurs lektsiy po angliyskoy filologii* [Cognitive semantics: A course of lectures on English philology]. Tambov, 2001. 123 p. (in Russian).
18. Chudinov A. P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoye issledovaniye politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in a Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000)]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2001. 238 p. (in Russian).
19. Chudinov A. P. *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii* [Metaphorical Mosaic in Modern Political Communication]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2003. 248 p. (in Russian).
20. Alefirenko N. F. *Frazeologiya v svete sovremennykh lingvisticheskikh paradigm* [Phraseology in the light of modern linguistic paradigms]. Moscow, Elpis Publ., 2008. 271 p. (in Russian).
21. Krasnykh V. V. «Svoy» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? ["One's own" among "strangers": myth or reality?]. Moscow, Gnosis Publ., 2003. 375 p. (in Russian).
22. Teliya V. N. Metaforizatsiya i eye rol' v sozdanii yazykovoy kartiny mira [Metaphorization and its role in creating a linguistic picture of the world]. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* [The role of the human factor in language: Language and the picture of the world]. Moscow, 1988. 216 p. (in Russian).
23. Sherina E. A. Sobstvenno obraznoye slovo kak nositel' lingvokul'turnoy informatsii o vospriyatii cheloveka i sotsiuma v russkoy i angliyskoy yazykovykh kartinakh mira [Actually figurative word as a carrier of linguistic and cultural information about the perception of man and society in the Russian and English language pictures of the world]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2012, no. 361, pp. 30–34 (in Russian).
24. 在线新华字典 (Xinhua Online Dictionary of Characters) (in Chinese). URL: <http://zidian.aies.cn/OTgzMQ==.htm> (accessed 3 September 2023).

Информация об авторе

Гаврилюк М. А., доцент кафедры иностранных языков и лингводидактики, Иркутский государственный университет (ул. Карла Маркса, 1, Иркутск, Россия, 664003).
E-mail: zhaolinna25@gmail.com

Information about the author

Gavrilyuk M. A., Associate Professor, Irkutsk State University (ul. Karla Marksa, 1, Irkutsk, Russian Federation, 664003).
E-mail: zhaolinna25@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.09.2023; принята к публикации 04.12.2023

The article was submitted 20.09.2023; accepted for publication 04.12.2023